

УДК 9с

DOI: 10.15393/j14.art.2015.84

Суслова Евгения Дмитриевна

Петрозаводский государственный университет,
 Институт истории, политических и социальных наук,
 специалист Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии;
 старший научный сотрудник Управления научных исследований (ГБТ 653-14);
 кандидат исторических наук

**Церковный приход: средоточие социальной и духовной жизни
 крестьянского сообщества в Карелии раннего нового времени¹**

Аннотация: Статья посвящена изучению традиционных практик, лежавших в основе решения ключевых вопросов повседневной жизни православных приходов Заонежских и Лопских погостов, в широкой хронологической перспективе — с середины XVI по начало XVIII века. Исследование обобщает накопленные и представленные в серии научных статей и монографий наблюдения, выявленные путем сопоставительного анализа сведений из писцовых и переписных книг, а также актов приказного делопроизводства. Реконструкция житейских ситуаций, возникавших в карельских приходах, и использование методики просопографической базы данных с целью обобщения информации позволяют выявить ста-ринные обычаи, которым крестьянская община следовала, решая разнообразные вопросы, в том числе связанные с комплектованием причтов и решением проблемы их материально-го обеспечения. Опираясь на достижения историографии и сопоставление имевших место практик с нормами церковного и светского законодательства, удалось установить, что ста-ринные обычаи продолжали активно действовать в Карелии — крае с развитыми традици-ями общинного самоуправления. Меры, направленные на выстраивание более жесткой вер-тикали власти в процессе превращения Российского государства в бюрократическую импе-рию, и связанные с проведением церковной реформы в середине XVII века вели, тем не менее, к постепенному усилению контроля за внутренней жизнью приходских общин.

Ключевые слова: Крестьянская община; церковный приход; приходской священник; клир; традиционное общество; Русская православная церковь; Карелия; социальная история; XVI—XVIII вв.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проектной ча-сти государственного задания в сфере научной деятельности, № 33.1162.2014/К.

Введение

История православных приходов и сельского духовенства в Российском государстве в раннее новое время является предметом пристального внимания исследователей. В последние десятилетия опубликованы работы, в которых на материалах различных епархий Московского патриархата значительно уточнены, дополнены и развиты выводы и наблюдения, которые были сделаны во второй половине XIX — первой трети XX в.

Обращение к проблеме организации социальной и повседневной жизни приходской общины во многом обусловлено стремлением учёных выявить особенности начального этапа складывания сословия духовенства, оценить отношение населения к вере и установить, каким образом происходила на локальном уровне с помощью Церкви интеграция окраин в состав Российского государства.

Особый интерес представляет социальная история приходов семнадцати Заонежских и семи Лопских погостов, являвшихся частью обширной Новгородской епархии (с 1589 г. — митрополии) и объединённых в ходе административной реформы в 1649 г. в Олонецкий уезд. Этот регион отличался от остальных не только преобладанием черносошного крестьянства, развитыми традициями самоуправления и полигэтничным составом населения, но и пограничным положением со Шведским королевством, которое проводило жёсткую религиозную политику, направленную на распространение протестантизма в своих восточных провинциях. Всесторонняя реконструкция церковно-приходской жизни в Карелии в широкой хронологической перспективе — и в сопоставлении с практиками, складывавшимися в других частях государства, — открывает уникальные возможности для выявления старинных обычаем и норм, которые лежали в основе взаимоотношений клира и паствы.

В качестве поисковой темы разрабатывалась автором статьи с 2004 г. в рамках деятельности Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии (далее — ИЛЛМИК), созданной в том же году по инициативе канд. ист. наук, доц. И. А. Черняковой на базе исторического факультета Петрозаводского государственного университета (далее — ПетрГУ). В 2012 г. исследование было представлено к защите на соискание учёной степени кандидата исторических наук и успешно защищено в Диссертационном совете Санкт-Петербургского Института истории РАН [26]. В 2011—2013 гг. заявку на проект по изучению истории карельских приходов в раннее новое время поддержал Российский гуманитарный научный фонд (Целевой конкурс по поддержке молодых учёных, № 11-31-00348а2). В 2012—2016 гг. исследование проводилось в рамках Междисциплинарного научного образовательного центра трансграничной коммуникации CARELICA, созданного в соответствии с реализацией Программы стратегического развития ПетрГУ с целью преодоления методологии, обусловленной национальными историографическими традициями, а также разработки путей и методов трансляции нового комплексного историко-культурного знания о Карелии [46].

В 2014—2016 гг. в рамках проектной государственной бюджетной темы 653-14 «Традиционное общество как фактор стабильности в полиэтничном приграничном регионе: Карелия в XVII — начале XX в.», поддержанной Министерством образования и науки Российской Федерации и объединившей коллектив историков и филологов ПетрГУ под руководством канд. ист. наук, доц. И. А. Черняковой, автор — участник проекта — опубликовал работы, посвящённые выявлению старинных традиций, сложившихся в карельских приходах, особенностей выстраивания новгородским митрополитом низшего церковного управления в Заонежских и Лопских погостах в XVII — первой трети XVIII в. и становления волостных элит [30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37].

К исследованию были привлечены как опубликованные, так и впервые вводимые в научный оборот документы, хранящиеся в фондах Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН (ф. 3 «Александро-Свирский монастырь», ф. 98 «Олонецкая воеводская изба», колл. 171 «Акты Новгородского Софийского дома»), Государственно-го архива Новгородской области (ф. 480 «Новгородская духовная консистория»), Российско-го государственного архива древних актов (ф. 141 «Приказные дела старых лет», ф. 159 «Приказные дела новой разборки по Новгородской четверти», ф. 210 «Разрядный приказ», ф. 1209 «Поместный приказ»). Среди разнообразных источников особое место отведено актам приказного делопроизводства из фонда «Олонецкой воеводской избы» Научно-истори-ческого архива Санкт-Петербургского института истории РАН. Факсимиле первых десяти картонов фонда — около 7,100 тыс. сставов, датируемых 1649—1681 гг., — стали доступны автору в создаваемом на базе ИЛЛМИК виртуальном электронном архиве [45].

Выявленные по крупицам сведения о сельских храмах и служивших при них причтах, а так-же детали биографий священно- и церковнослужителей были сведены воедино путём ком-плектования в программе FileMaker-Pro 11 двух электронных баз данных [35]. Обработка информации о составе причтов и способах их материального содержания, выявленная в писцовых и переписных книгах, также как и всесторонний анализ житейских ситуаций, возникавших во второй половине XVII — первой трети XVIII в. и обнаруженных в матери-алах судебных дел, позволили накопить ценные наблюдения о повседневных практиках и — с учётом достижений, сделанных в историографии, — создать целостное представление об обычаях, которым следовала община, решая церковно-приходские дела, и мерах, предпред-нимавшихся государством и Церковью с целью выстраивания вертикали власти и посте-пенного искоренения практик, восходивших к средневековой эпохе.

Складывание церковно-приходской системы в Карелии в конце XV — начале XVIII в.

Жизнь церковного прихода концентрировалась вокруг храма. В историографии отмечено, что инициатива в его возведении традиционно принадлежала мирянам, которые, испраши-вая на это благословенную грамоту у архиерея, подавали владыке соответствующую чело-битьную [5: 23; 7: 197—198; 9: 58; 25: 237—239, 245—246]. Как подчеркнул П. С. Стефанович, с середины XVI в. и в следующем столетии церковные власти «пытались... наладить кон-троль над строительством храмов» [1: 260, 391—392; 25: 246]. По мнению исследователя, в Патриаршей области решение вопроса о возведении новой церкви было поставлено «на обязателльную и регулярную основу» с 1675/76 г., в то время как в Новгородской митропо-лии — с 1690-х гг. [25: 148, 247].

В приходах Заонежских и Лопских погостов, входивших в состав Новгородской епархии, церковные и светские власти — в отличие от центрального региона — на протяжении всего XVII в. поощряли инициативу мирян в возведении новых храмов. Об этом свидетельствует, в первую очередь, интенсивное формирование церковно-приходской системы. Так, с конца XV в. по начало XVIII в. в Заонежских погостах количество храмов увеличилось с 32 до 133, в Лопских погостах — с 7 до 13 [27: 124]. Сопоставительный анализ сведений писцовых и переписных книг убеждает и в том, что храмы, разрушенные во время рейдов шведских (конец 1570-х — начало 1580-х гг.) и польско-литовских отрядов (1612—1614 гг.), сожжённые в годы русско-шведской войны (1656—1658 гг.), по каким-либо причинам запустевшие, пре-образованные в часовни или разобранные, обязательно возрождались или перестраивались стараниями клириков и мирян, находивших поддержку со стороны администрации [27: 50—54, 65—66, 74—75, 88—89].

Занятая властью позиция во многом была связана с её стремлениями противостоять активной религиозной пропаганде Шведским королевством протестантизма и добиться интеграции отдалённой окраины, отличавшейся полигэтническим составом населения с его приверженностью к народным — по сути, языческим — верованиям, в орбиту православного христианского мира и российской государственности [13: 48—49, 50—52; 15: 260—261; 16: 256; 21: 56—62; 41: 69—70].

Комплектование церковных причтов: унификация состава должностей

В XVI—XVII вв. в Северо-Западном регионе, традиционно отличавшемся преобладанием чернососного крестьянства и отсутствием помещичьего землевладения, поземельная община совпадала с общиной приходской [5: 19; 33: 348]. Православный храм, отдалённый и посещавшийся по большим церковным праздникам либо по значимым в жизни семьи событиям, в рассматриваемую эпоху превратился в центр повседневной жизни карельского сообщества, которое, дорожа глубоко укоренившимися традициями самоуправления, длительное время признаваемыми государством, принимало самое непосредственное участие в решении церковно-приходских дел.

Среди них первостепенное место отводилось комплектованию причта — от определения состава должностей до выбора подходящего кандидата. Реализуя определения церковных соборов 1503 и 1551 гг., новгородские владыки во второй половине XVI в. стали предпринимать меры по унификации состава должностей в причтах приходов Заонежских и Лопских погостов.

В частности, на соборе 1551 г. было обращено внимание на практику проживания близ мирских церквей иеромонахов и принято определение о переводе их в монастыри [1: 256—257]. Тем не менее в некоторых приходах — с центром на погостах в Шале, Пудоже, Мегре, Шуе, Шуньге, Олонце, Андоме, Важенах — иеромонахи служили, согласно зафиксированным в писцовых и переписных книгах сведениям, вплоть до начала 1630-х гг. [27: 34, 46, 58, 70, 80]. По мнению А. В. Карташева, упоминания в массовых источниках об иеромонахах при сельских храмах свидетельствуют о заимствованном некогда из Византии архаичном обычаяе поставления священноиноков в мирские приходы в качестве духовников-исповедников [11: 211].

Длительное бытование этого обычая было обусловлено противоречивым отношением к нему самой Церкви. С одной стороны, высшая иерархия на соборе 1551 г. осудила подобную практику, отметив, что «чернцы... по миру волочатца» и «у мирских церквей в попех живут» [1: 256]. С другой стороны, как отметили А. Ю. Жуков и З. А. Тимошенкова, настоятели монастырей новгородской епархии по собственной инициативе отправляли священноиноков в отдалённые приходы своих вотчин, поручая им духовно окормлять верующих и вести миссионерскую деятельность [8: 45; 38: 140—141]. Центрами этой деятельности зачастую являлись именовавшиеся в кадастровых документах «монастырьками» прицерковные богадельни, устройство которых было вменено духовенству в обязанность одним из определений того же собора [4: 125; 9: 66; 18: 326; 19: 68; 20: 21]. Обращаясь к сведениям писцовых книг Заонежских погостов, И. А. Чернякова пришла к выводу, что после разорения края в начале 1580-х гг. и позднее — в конце 1610-х гг. богадельни, с проживавшими в них «старцами» и «старицами», стали настоящим социальным феноменом [42: 95, 209; 44: 42]. Их обустройством, по мнению исследовательницы, Церковь помогала выжить потерявшим дома и близких, но уцелевшим в лихолетье людям, оставшимся одинокими в старости [44: 42].

Окончательное искоренение обычая было связано с пересмотром церковной администрацией во второй половине XVII в. отношения к погостским богадельням, переводом состояв-

ших при них «чернецов» и «черниц» в мужские и женские общежительные монастыри, а также общим устрожением контроля за внутренней жизнью иноческих общин [32: 587—589; 43: 24].

Значимые усилия новгородские владыки приложили к введению в причты церквей Заонежских и Лопских погостов должности пономаря. На повсеместное отсутствие в причтах пономарей обратил внимание еще церковный собор 1503 г., в то время как одним из определений собора 1551 г. поповским старостам уже вменялось в обязанность проверять наличие при храмах этой должности [39: 205]. Спустя двенадцать лет — в 1563 г. — в приходах Заонежских погостов из 128 клириков и причетников пономарями являлись 27 человек (21 %), в то время как дьяками — 42 человека (33 %) [27: 34, 36]. Только к середине 1640-х гг. соотношение этих должностей в какой-то степени сравнялось: из 233 священно- и церковнослужителей пономарские обязанности исполняли 55 человек (24 %), обязанности дьячков — 66 (28 %) [27: 79].

Должность пономаря была введена и в причты церквей Лопских погостов. Уже в конце 1590-х гг., согласно сведениям дозорщика Григория Кобелева, из девятнадцати клириков и причетников, служивших при храмах северных карельских приходов, шестеро были пономарями и столько же — дьячками [27: 122]. В следующем столетии причт из трёх человек — священника, дьячка и пономаря — стал для здешних мест традиционным [27: 120].

В то же время в Лопских погостах — в отличие от Заонежских — при сельских церквях в XVI—XVII вв. не было дьяконов и вплоть до конца XVII в. — просфорниц [27: 111, 123]. Эти должности вводились в причты, как правило, в многолюдных приходах по инициативе самой крестьянской общины, нередко в лице её зажиточных представителей, стремившихся в т. ч. путём рукоположения в сан избежать службы в пашенных солдатах. Должность дьякона нередко вводилась и в причты выставочных церквей. Тот факт, что её занимали родственники клириков, позволяет предположить, что отцы ходатайствовали за своих сыновей и братьев, которые, приобретая необходимые навыки служения, в последующем наследовали священническую должность в родном приходе [28: 72—74, 82—83]. Желание общины иметь в причте должность дьякона не вызывала каких-либо нареканий со стороны церковных властей. Напротив, эта практика получила широкое распространение и в соседнем регионе. Так, согласно сведениям, выявленным М. С. Черкасовой, в Вологодско-Белозерской епархии во второй половине XVII в. в некоторых приходах при отцах-священниках служили их сыновья в качестве вторых священников или дьяконов [40: 249].

Приходские выборы духовенства: устрожение процедуры подбора кандидатов на священнические должности

В XVI—XVIII вв. подбор кандидатов на церковные должности традиционно являлся прерогативой мирян. Церковные и светские власти на законодательном уровне длительное время признавали обычай выбора духовенства общиной, которая — ввиду недостатка в обученных и хорошо подготовленных кадрах — единственно могла выдвинуть достойных кандидатов [7: 205; 9: 72].

Как отмечено в историографии, со второй половины XVII в. в разных епархиях Московского патриархата, и прежде всего в центральных, церковная иерархия стала предпринимать меры по устрожению контроля за процедурой приходских выборов — начиная с порядка их организации до утверждения рукоположенных в сан кандидатов на церковных должностях. По мнению исследователей, «наступление» на старинное право общинны шло в русле постепенной бюрократизации государственного управления и в значительной степени было обусловлено с тем, что механизм выборов хотя ещё и не исчерпал свои возможности, однако

в нём проявилось немало недостатков [5: 86; 7: 180, 216—220; 9: 73, 76, 103, 108; 10: 193, 211; 22: 95, 99—100, 105—106]. В частности, учёные подчеркнули, что в результате развития имущественной дифференциации внутри общины выборы духовенства превращались в орудие спекуляции в руках зажиточных крестьян и третьих лиц, которые подкупали голоса выборщиков и добивались получения мест для своих протеже [7: 206, 208, 211—213; 48: 160—162]. Зачастую прихожане предпочитали выбирать того кандидата, который запрашивал меньшее вознаграждение и был готов отстаивать их интересы [7: 209; 9: 72—73; 23: 8—10].

Первые наиболее значимые шаги по организации контроля за мирскими выборами были предприняты в 1551 г. Церковный собор определил требования к возрасту, нравственному облику и профессиональным качествам кандидатов [1: 285—286]. Предупреждая возможность утверждения на должностях, не рукоположенных архиепископами ставленников, собор также вменил в обязанность поповским старостам проверять наличие соответствующих грамот у священнослужителей и, в случае их отсутствия, отправлять таковых к владыке [1: 295].

Во второй половине XVII в. высшая иерархия значительно устрожила прописанные ранее нормы. В частности, стремясь исключить проникновение в причт случайных лиц, от которых «бывают в церкви Божией мятежи и расколы», собор 1667 г. закрепил повсеместно развивавшуюся практику передачи церковных должностей по наследству — от отца к сыну [2: 699]. Власти пересмотрели также и своё отношение к служению в приходах лиц, чьё рукоположение в сан не было подтверждено ставленной грамотой. Согласно разосланной в епархии при патриархе Адриане в 1697 г. инструкции, поповским старостам вменялось в обязанность в случае отсутствия у священнослужителей подобных грамот высылать последних в Москву, а церкви — закрывать до вынесения соответствующего приговора [3: 415].

Тем не менее предпринятые архиереями некоторых центральных и северо-западных епархий попытки упразднения выборной системы и её замены принципом замещения церковных должностей — ни во второй половине XVII в., ни в первой половине XVIII в., — как убедительно показали В. М. Верюжский и Г. Фриз (Gregory Freeze), оказались неудачными [7: 180, 216—220; 48: 158—159]. Дорожа своей старинной привилегией, мирыне не признавали ставленников владык и, используя сохранявшуюся за ними обязанность обеспечивать достойное материальное содержание причту, находили способы, вынуждавшие прибывших в их приходы священнослужителей по собственной инициативе отказываться от церковных мест.

В приходах Заонежских и Лопских погостов традиция выбора священно-церковнослужителей, широко распространённая во второй половине XVII в., укоренилась стольочно, что в XVIII в. церковной иерархии не удалось полностью её заменить системой назначения [28: 71—81; 22: 100].

В то же время новгородские митрополиты во второй половине XVII в. — первой половине XVIII в. всё же добились устрожения надзора за выборами. Предпринятые ими мероприятия заключались не только в более детальной регламентации процедуры выборов, разработке формуляра выборной грамоты и проверке владыккой качеств кандидата [21: 104—105; 22: 95, 99—100, 105—106]. Организовать более жёсткий контроль им удалось во многом благодаря созданию разветвлённой системы низшего церковного управления [37: 68, 71]. Стремление к всеохватному надзору за процедурой выборов объяснялось не только желанием ограничить эту, казалось бы, исчерпавшую свои возможности привилегию мирян. Во многом действия властей были обусловлены практическими целями — необходимостью утверждения в причтах тех клириков, опираясь на которых можно было — порой вопреки сопротивлению общины — проводить преобразования, направленные на унификацию церковного обряда, упорядочение способов содержания причтов, передачу права распоряжения приходской казнью клиру.

Традиционные способы материального обеспечения карельского духовенства: прихрамовый участок и руга

Одним из основных источников материального обеспечения сельского духовенства в XVI—XVII вв. являлись доходы, получаемые от обработки земельных участков. Опираясь на сведения писцовых книг по центральным и южным уездам Российского государства, П. С. Стефанович согласился с авторитетным мнением Е. И. Колычевой, согласно которому в конце 1560-х гг. был издан «государев наказ», до сих пор не обнаруженный в архивах и предписывавший предоставлять клиру участки фиксированных размеров, освобождавшиеся от тягла: священникам — по 20 четей, дьякам — по 10 четей [25: 129]. Как отметил исследователь, в центральных и южных уездах практика выделения прихрамовых участков приобрела «едва ли не всеобщий характер» в 1620—1630-е гг., однако к середине столетия крестьяне и вотчинники зачастую самовольно захватывали такие участки [25: 130]. Ссылаясь на приговор царя и бояр от 25 августа 1680 г., указы 1682 г. об отмежевании церквам пустых кладбищ и поместий, П. С. Стефанович предположил, что с этого времени власти возобновили требование обязательности выделения прихрамовых участков из земельного фонда строителей [25: 141]. Учёный между тем подчеркнул, что в северо-западном регионе «всеми вопросами обеспечения клира и управлением церковными землями занималась земская приходская община», поэтому «государственное наделение церквей участками земель не получило развития» [25: 146].

Обращение к сведениям писцовых книг позволяет заключить, что во второй половине XVI — первой трети XVII в. в Заонежских и Лопских погостах, также как и в центральном регионе, писцовые комиссии выделяли сельским причтам участки фиксированных размеров [30: 19—23, 34]. При этом основанием для принятия соответствующего решения являлись челобитные священников и крестьянской общины, которая — особенно после разорения края в начале 1610-х гг. — была готова скорее предоставить клиру участок в пустоши или запустевшей деревне, нежели выплачивать «ряженую» ругу — вознаграждение в виде денег и натуральных продуктов, размер которого традиционно определялся специальными грамотами — «выбором» и «порядной записью» [5: 27—28; 30: 22—25].

Как и в центральных уездах, в Заонежских погостах в середине — второй половине XVII в. многие прихрамовые участки были самовольно захвачены мирянами, в то время как вновь воздвигнутым церквам пашня выделялась крайне редко [30: 41—42]. В первую очередь миряне добивались от общины передачи в пользование тех прихрамовых участков или их долей, которые по каким-либо причинам запустили и долгое время не обрабатывались [30: 21, 41]. В случае возникновения тяжб с клириками они утверждали своё право на эту землю заявлениями о своевременной выплате с неё податей, а в период с 1649 по 1666 г. — указаниями на исправную службу в полках пашенных солдат [30: 42—43, 45—46; 17: 139].

Некоторые прихрамовые участки оказались в руках сыновей, внуков и правнуку священников, которые хотя и не продолжили дело своих отцов и дедов, но рассматривали участки уже в качестве своих родовых [29: 54; 30: 34, 64]. К началу XVIII в. только 15 из 109 причтов (14 %) Заонежских погостов пользовались прихрамовыми участками [30: 42]. Таким образом, законодательные нормы, принятые властями в последней четверти XVII в. и обязывавшие мирян в обязательном порядке выделять к церквам фиксированные участки земли, не облагаемой податями, в карельских приходах так и остались нереализованными.

Основная причина отказа и явного нежелания общины решать вопрос с прихрамовым участком объяснялась тем, что практически весь фонд свободных и некогда пустовавших земель в Карелии во второй половине — конце XVII в. был освоен [24: 44—46; 42: 144]. Поэтому клирики, стремясь всё же получить в пользование землю, которая оставалась основ-

ным источником средств к существованию, покупали или получали под залог у обедневших членов общины тяглые участки, расчищали новые «на черном лесу», либо с санкции олонецких воевод брали пашню на оброк [29: 46; 30: 39—40, 55]. Совершая подобные сделки, священно- и церковнослужители зачастую опирались на поддержку родственников и влиятельных членов общины, однако действовали в обход указа 1648 г., согласно которому любые операции с землей в Олонецком уезде были запрещены и потому, случае возникновения спорных ситуаций, рассматривались как не имевшие юридической силы [12: 16]. В то же время норма указа нарушалась повсеместно не только клириками, но и крестьянами, в среде которых, согласно авторитетному мнению А. И. Копанева, «обычай распоряжаться своими землями был... вековечен и привычен» [12: 16]. Олонецкие воеводы, в свою очередь, в интересах фиска не применяли на практике достаточно жёстких санкций к нарушителям нормы и в случае возникновения тяжб учитывали имущественные права тех, кто исправно платил с участков подати, вне зависимости от их социального статуса [30: 52—53].

В сложившихся условиях одним из основных источников пропитания клириков во второй половине XVII в. оставалась «ряженая» руга [30: 39]. В историографии утвердилось мнение о том, что священно- и церковнослужители, получая ругу, попадали в крайне зависимое от прихожан положение, не отличались уровнем материального достатка, в то время как некоторые вынуждены были переходить из прихода в приход в поисках лучшей доли либо предлагать свои услуги из найма на площадях [5: 28, 30; 6: 9—10, 13; 7: 162—166, 223; 9: 112, 118; 14: 165—166, 168—169; 25: 152—153, 162; 40: 249; 47: 291].

В Заонежских и Лопских погостах размер руги традиционно определялся в порядной или выборной грамоте. Раз оговоренные и зафиксированные, условия выплат — особенно в случае передачи церковной должности по наследству внутри одной семьи или рода — в течение нескольких десятилетий не пересматривались, несмотря на ухудшение к концу XVII в. хозяйственной ситуации в kraе и рост архиерейских сборов [30: 60—63, 67]. Тем не менее карельское духовенство не оставалось безмолвным и, решаясь на конфликт с общиной, добивалось — в т. ч. в судебном порядке — изменения ставших привычными для мирян условий порядных записей.

Комплексное изучение случаев участия сельских священников в краткосрочных займах во второй половине XVII в. убеждает в том, что карельские клирики, зачастую выступая кредиторами общины, являлись состоятельными и уважаемыми в приходе людьми, которые умели отстаивать свои интересы, — как используя старинные обычай, так и идя вопреки им [30: 77—117].

Выстраивание разветвлённой системы низшего церковного управления «сверху» и «снизу»

Добиваясь проведения в жизнь преобразований, предпринятых высшей церковной иерархией во второй половине XVII в., новгородские владыки предприняли меры по выстраиванию более жёсткой вертикали власти — как «сверху», так и «снизу». В первую очередь, спустя более полутора столетий с принятия Стоглавом 1551 г. соответствующей нормы — в середине 1650-х — начале 1670-х гг., в приходах Заонежских и Лопских погостов были введены должности поповских старост и десятских священников, избираемых сельскими клириками из своей среды [26: 24—25]. Привлекая к управлению не только светских слуг — небельщиков и подьячих, как это было ранее, но и представителей местного клира из числа наиболее авторитетных и опытных священнослужителей, новгородские митрополиты получили возможность осуществлять более действенный контроль за духовной и повседневной жизнью мирян.

Реконструкция генеалогий клириков и причетников Заонежских и Лопских погостов, также как и социальных связей, возникавших между ними и мирянами, позволяет заключить, что в крае в XVII в. постепенно складывались местные элиты, включавшие семьи наиболее зажиточных и владевших грамотой крестьян [28; 31; 33; 36]. Представители этих семей, занимая выборные земские и церковные должности, на протяжении нескольких десятилетий сосредотачивали в своих руках решение многих вопросов и, таким образом, стояли во главе духовной, хозяйственной и административной жизни локального сообщества [33: 348]. Хорошо зная клириков и прихожан своих округов, пользуясь авторитетом в их среде, опираясь на родственные и социальные связи, поповские старосты и десятские священники оказывали влияние на решения крестьянской общины, касавшиеся церковно-приходских дел, и способствовали реализации нововведений, предпринимавшихся церковной иерархией [37: 73—76].

В то же время, как свидетельствовала практика, поповские старосты отнюдь не всегда являлись послушными исполнителями воли новгородских владык. Они могли проявлять не только сочувствие отдельным мирянам, но и разделять их взгляды [32: 592]. Благодаря родственным связям, поповские старосты и сельские клирики умели проявить свое независимое положение, достаточную настойчивость и даже находчивость в решении самых разнообразных житейских ситуаций.

Для предупреждения подобных случаев и организации контроля за деятельностью поповских старост при кафедре новгородского митрополита во второй половине XVII в. в составе Судебного разряда были созданы два подразделения — Духовный приказ и Тиунская изба [37: 75]. Кроме того, с целью выстраивания более жёсткой вертикали власти определением собора 1682 г. к тринадцати уже существовавшим епархиям, раскинувшимся на обширных пространствах Российского государства, были добавлены четыре новые, в т. ч. Устюжская и Холмогорская, ранее входившие в состав Новгородской митрополии [11: 235—236]. Отметим, что с образованием Холмогорской епархии связаны первые мероприятия архиепископа Афанасия по упорядочению разнообразных вопросов церковно-приходской жизни в Двинском крае [7].

Выводы

В середине XVI — первой трети XVIII в. повседневная жизнь православных приходов Заонежских и Лопских погостов была пронизана множеством разнообразных традиций и практик. Некоторые из них, в т. ч. связанные с определением состава должностей в причтах, процедурой выбора кандидатов на те или иные церковные должности, в течение длительного времени оставались неизменными. Другие, касавшиеся выделения земельных участков и определения размеров руги, на протяжении нескольких десятилетий видоизменялись, в т. ч. под влиянием складывавшейся в крае социально-экономической ситуации и столкновения интересов как внутри общины, так и между общиной и клиром.

В Олонецком уезде — как и повсеместно на северо-западе Российского государства — во второй половине XVII в. между общиной приходской и поземельной сохранялись тесные связи. Дорожа старинными привилегиями, которые вплоть до середины XVI — второй половины XVII в. признавались церковной и светской властью, карельские крестьяне сохраняли за собой ключевую роль в решении разнообразных церковно-приходских дел.

Мероприятия, направленные на унификацию церковно-приходской жизни и искоренение старинных практик, проводились на протяжении более чем полутора столетий — начиная с середины XVI в., однако к первой трети XVIII в. так и не были до конца реализованы.

Претворение в жизнь определений церковных соборов осуществлялось новгородскими владыками путём выстраивания более жёсткой вертикали власти — как «сверху», так и «снизу». При этом, создавая разветвлённую систему низшего управления, они зачастую опирались не только на штат своих доверенных слуг, но и на местные элиты, — представителей зажиточных, владевших грамотой, пользовавшихся поддержкой общины и светской администрации крестьянских семей, которые сосредоточили в своих руках решение приходских, административных и хозяйственных дел на уровне отдельной волости или погоста. Поповские старосты, являясь выходцами из влиятельных крестьянских родов, умели договариваться с «миром» и проводить в жизнь требования священноначальства.

Многие традиции и практики, видоизменяясь, продолжали сохраняться. Их длительное бытование было во многом обусловлено глубоко укоренившимися в крае традициями мирского самоуправления и самосознанием карельских крестьян, дороживших своими старинными привилегиями. В нарождавшейся бюрократической империи ещё только складывались условия для выстраивания жёсткой вертикали власти «сверху» и упразднения сохранившихся за общиной прав. Однако сам факт предпринимавшихся со второй половины XVI в. мер, направленных на ограничение общинных традиций самоуправления, зачастую расценивается негативно — как своего рода «наступление» на старинные привилегии «миров». Между тем в рассматриваемую эпоху церковный приход оставался наиболее способной к самосохранению и внутреннему регулированию демократичной и рациональной системой. Власти не только признавали старинные привилегии прихожан, но и опирались на них, соответствующим образом выстраивая систему управления.

Список использованных источников и литературы

Источники

1. Стоглав 1551 г.: Исследование и текст / Ин-т Российской истории РАН ; [отв. ред. Н. В. Синицына ; подг. к печ. Е. Б. Емченко]. — Москва : Индрик, 2000. — 504 с.
 2. Выписка из деяний Собора, бывшаго в сем году в Москве, 17 июня 1667 г. // Полное собрание законов Российской Империи. — Собр. 1. — Т. 1 (1649—1675 гг.). — Санкт-Петербург : Типография II Отделения СЕИВК, 1830. — С. 698—715. (№ 412).
 3. Инструкция старостам поповским, или благочинным смотрителям от святейшаго патриарха Московского Адриана, 26 декабря 1697 г. // Полное собрание законов Российской Империи. — Собр. 1. — Т. 3 (1689—1699 гг.). — Санкт-Петербург : Типография II Отделения СЕИВК, 1830. — С. 413—425. (№ 1612).

Литература

4. Архангельский, М. Ф. О Соборном Уложении царя Алексея Михайловича 1649 г. (7156 г.) в отношении к Православной Русской Церкви / М. Ф. Архангельский // Христианское чтение. — 1881. — № 7—8. — С. 42—134.
 5. Богословский, М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2. Деятельность земского мира. Земство и государство / М. М. Богословский. — Москва : Синодальная типография, 1912. — 394 с.
 6. Введенский, Д. И. Крестцовое духовенство в старой Москве / Д. И. Введенский. — Москва : Типо-литография И. Ефимова, 1899. — 41 с.
 7. Верюжский, В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще Русской Церкви в конце XVII в. Церковно-исторический очерк / В. М. Верюжский. — Санкт-Петербург : Типография И. В. Леонтьева, 1908. — 683 с.
 8. Жуков, А. Ю. Формирование и развитие структуры церковного управления в Карелии (XIII—XV вв.) / А. Ю. Жуков // Православие в Карелии : материалы республиканской научной конфе-

- ренции (Петрозаводск, 24—25 октября 2000 г.). — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2000. — С. 40—47.
9. Знаменский, П. В. Приходское духовенство на Руси / П. В. Знаменский. — Санкт-Петербург : Коло, 2003. — С. 1—178 (переизд. с изд. 1867 г.).
 10. Знаменский, П. В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра / П. В. Знаменский. — Санкт-Петербург : Коло, 2003. — С. 181—768 (переизд. с изд. 1873 г.).
 11. Карташев, А. В. Очерки по истории Русской Церкви: в 2 т. / А. В. Карташев. — Москва : Терра, 1992. — Т. 1. — 686 с. (переизд. с изд. 1959 г.).
 12. Копанев, А. И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. / А. И. Копанев ; [под ред. Н. Е. Носова]. — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. — 244 с.
 13. Корпела, Ю. Государственная власть и христианизация в Приладожье в средние века / Ю. Корпела // Православие в Карелии : материалы 2-й международной научной конференции, посвящённой 775-летию крещения карелов. — Петрозаводск : Изд-во КНЦ РАН, 2003. — С. 44—52.
 14. Любимов, Г. М. Историческое обозрение способов содержания христианского духовенства от времен апостольских до XVII—XVIII века / Г. М. Любимов. — Санкт-Петербург : Типография Трусова, 1852. — Изд. 2-е. — 185 с.
 15. Мусин, А. Е. Становление православия в Карелии (XII—XVI вв.) : историко-археологический аспект / А. Е. Мусин // Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения — 95» : сб. докладов. — Петрозаводск, 1997. — С. 242—262.
 16. Мусин, А. Е. Археология в темах начальной истории Русской Церкви (к вопросу о восполнении пробелов в источниках эпохи средневековья) / А. Е. Мусин // Нестор. — 2000. — № 1. — С. 239—262.
 17. Мюллер, Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. / Р. Б. Мюллер ; Ин-т истории, языка и литературы Карело-Финской базы АН СССР ; [под ред. А. И. Андреева]. — Петрозаводск : Гос. изд-во КФССР, 1947. — 176 с.
 18. Неволин, К. А. Полное собрание сочинений : Т. 6. Изследования о различных предметах законоведения. IV. О пространстве церковного суда в России до Петра Великого / К. А. Неволин. — Санкт-Петербург : Типография Эдуарда Праца, 1859. — С. 251—389.
 19. Папков, А. А. Погосты в значении правительственные округов и сельских приходов в Северной России. Ч. 1—2 / А. А. Папков // Русский вестник. — 1898. — Т. 258 (ноябрь — декабрь). — С. 55—85, 13—34.
 20. Папков, А. А. Древнерусский приход. Краткий очерк церковно-приходской жизни в Восточной России до XVIII века и в Западной России до XVII века / А. А. Папков. — Сергиев Посад : 2-я типография А. И. Снегиревой, 1897. — 82 с.
 21. Пулькин, М. В. Православие в Карелии (XV — первая треть XX в.) / М. В. Пулькин, О. А. Захарова, А. Ю. Жуков. — Москва : Круглый год, 1999. — 208 с.
 22. Пулькин, М. В. Православный приход и власть в середине XVIII — начале XX в. (по материалам Олонецкой епархии) / М. В. Пулькин ; Российская академия наук, КНЦ ИЯЛИ. — Петрозаводск : Изд-во КНЦ РАН, 2009. — 422 с.
 23. Старицын, А. Н. Просопография северной деревни времен церковной реформы XVII в. / А. Н. Старицын // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2014. — № 2 (56). — С. 5—10.
 24. Старостина, Т. В. Борьба крестьян Карелии против феодального гнёта в 70-е годы XVII в. (Массовые волнения в Заонежских и Лопских погостах. Восстание Толвуйского погоста в 1678 г.) / Т. В. Старостина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — Т. VII. — Вып. 1. — Исторические и филологические науки. — Петрозаводск, 1958. — С. 41—64.
 25. Стефанович, П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI—XVII веках / П. С. Стефанович ; Российская академия наук, Институт российской истории ; [отв. ред. Б. Н. Флоря]. — Москва : Индрик, 2002. — 352 с.

26. Суслова, Е. Д. Церковь и крестьянское сообщество в Карелии в конце XV — начале XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Суслова Евгения Дмитриевна ; Санкт-Петербургский институт истории РАН. — Санкт-Петербург, 2012. — 31 с.
27. Суслова, Е. Д. Церковно-приходская система в Карелии конца XV — начала XVIII века [Электронный ресурс] / Е. Д. Суслова ; ФГБОУ ВПО Петрозаводский гос. ун-т ; [науч. ред. И. А. Чернякова]. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. — 244 с. — URL: http://carelica.petrsu.ru/Reading_hall/Suslova/Titul.pdf. (20.12.2016).
28. Суслова, Е. Д. Служители церкви в Карелии раннего нового времени: складывание династий [Электронный ресурс] / Е. Д. Суслова ; ФГБОУ ВПО Петрозаводский гос. ун-т ; [науч. ред. И. А. Чернякова]. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. — 162 с. — URL: http://carelica.petrsu.ru/CARELICA/Suslova_2.html. (20.12.2016).
29. Суслова, Е. Д. Клирик-землепашец в Карелии во второй половине XVII в. / Е. Д. Суслова // CARELICA : научный электронный журнал. — 2013. — № 1 (10). — С. 40—61. — URL: <http://carelica.petrsu.ru/CARELICA/Journal.html>. (10.01.2017).
30. Суслова, Е. Д. Сельское духовенство и крестьянское сообщество в Карелии в контексте социально-экономических отношений (конец XVI — начало XVIII века) [Электронный ресурс] / Е. Д. Суслова ; ФГБОУ ВПО Петрозаводский гос. ун-т ; [науч. ред. И. А. Чернякова]. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2014. — 140 с. — URL: http://carelica.petrsu.ru/CARELICA/Suslova_3.html. (10.01.2017).
31. Суслова, Е. Д. Церковный староста в повседневной жизни карельского прихода в конце XVII — начале XVIII века / Е. Д. Суслова // CARELICA : научный электронный журнал. — 2014. — № 1 (11). — С. 51—67. — URL: http://carelica.petrsu.ru/2014/Suslova_2014s.pdf. (20.09.2016)
32. Суслова, Е. Д. Вознесенский Свирский женский общежительный монастырь: повседневная жизнь общины в первой трети XVIII века / Е. Д. Суслова. — Исторический журнал: научные исследования. — 2015. — № 5 (29). — С. 582—594. — URL: http://nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=36029. (10.01.2017).
33. Суслова, Е. Д. «Волостной нобилитет» Заонежских погостов во второй половине XVII в.: к вопросу о родственных связях и социальном происхождении / Е. Д. Суслова // Научный диалог. — 2015. — № 12 (48). — С. 339—351. — URL: [http://www.nauka-dialog.ru/userFiles/file/339-351_Суслова_НД_2015_12\(48\).pdf](http://www.nauka-dialog.ru/userFiles/file/339-351_Суслова_НД_2015_12(48).pdf). (20.12.2016).
34. Суслова, Е. Д. Приходской священник и «начальные люди» в Карелии в середине XVII в.: особенности взаимоотношений (по материалам «Олонецкой воеводской избы») / Е. Д. Суслова // CARELICA : научный электронный журнал. — 2015. — № 2 (14). — С. 109—121. — URL: http://carelica.petrsu.ru/2015/Suslova_2_15.pdf. (20.12.2016).
35. Суслова, Е. Д. Опыт реконструкции генеалогии священнослужителей в Карелии в раннее новое время: источники, методики, результаты и перспективы / Е. Д. Суслова // Российская генеалогия : научный альманах / Генеалогическая ассоциация Российского общества историков-архивистов. — Вып. 1. — Москва : Старая Басманская, 2016. — Вып. 1. — С. 56—74.
36. Суслова, Е. Д. Обельные крестьяне и общинное самоуправление в Карелии XVII века: социальный конфликт как подоплека убийства сельского священника / Е. Д. Суслова // Новый исторический вестник. — 2016. — № 50. — URL: http://www.nivestnik.ru/2016_4/index.shtml. (11.01.2017) (в печати).
37. Суслова, Е. Д. Карельский священник-самозванец перед лицом церковных властей в первой трети XVIII века / Е. Д. Суслова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. — 2017. — Вып. 74 (январь — февраль). — С. 62—78.
38. Тимошенкова, З. А. Социокультурный облик северо-западной деревни XVII — начала XVIII вв. / З. А. Тимошенкова ; М-во общего и проф. образования РФ, Псковский гос. пед. ин-т им. С. М. Кирова. — Псков : Изд-во Псковского гос. пед. ин-та им. С. М. Кирова, 1999. — 260 с.
39. Филарет (Гумилевский), архиеп. История Русской Церкви. Третий период: от разделения митрополии до учреждения патриаршества (1410—1588 гг.) / Филарет Гумилевский. — Москва : Типография В. Готье, 1851. — 256 с.

40. Черкасова, М. С. Экономическая и демографическая характеристика сельских приходов Вологодско-Белозерской епархии в XVII веке / М. С. Черкасова // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. тематич. сб. науч. тр. / [под ред. В. Н. Никулина]. — Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. — С. 234—251.
41. Чернякова, И. А. Писцовые и переписные книги XVI—XVII вв. как источник по истории деревянного зодчества Карелии / И. А. Чернякова, О. В. Черняков // Проблемы исследования, представления и использования архитектурного наследия Русского Севера : межвуз. сб. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1988. — С. 55—73.
42. Чернякова, И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века / И. А. Чернякова. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1998. — 295 с.
43. Чернякова, И. А. Андрусов монастырь на пороге Нового времени: К истории старообрядчества в Карелии / И. А. Чернякова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. — 2008. — Вып. 4 (97). — С. 15—30.
44. Чернякова, И. А. Алтарные посвящения приходских церквей как отражение православного менталитета крестьянина-карела дониконовской эпохи // И. А. Чернякова, О. В. Черняков / Православие в судьбе Урала и России. История и современность : материалы Всероссийской научно-практич. конф. (Екатеринбург, 18—20 апреля 2010 г.). — Екатеринбург : ИИРА УрО РАН, Изд-во Екатеринбургской епархии, 2010. — С. 34—46.
45. Чернякова, И. А. TERP: Teaching-Editing-Research Project [Электронный ресурс] / И. А. Чернякова // Исследовательская лаборатория локальной и микроистории Карелии. — Петрозаводск, сор. 2013. — URL: <http://illmik.petrsu.ru/illmik/TERP.html>. (12.01.2016).
46. CARELICA: О нас [Электронный ресурс] // Институт Североевропейских исследований ПетрГУ, Междисциплинарный научно-образовательный центр трансграничной коммуникации CARELICA. — Петрозаводск, сор. 2013. — Электрон. дан. — URL: http://carelica.petrsu.ru/CARELICA/About_Us.html. (20.12.2016).
47. Coulter, D. Church Reform and the «White Clergy» in Seventeenth-Century Russia / D. Coulter // Modernizing Muscovy : Reform and Social Change in Seventeenth-Century Russia / [ed. by J. Kotilaine and M. Poe]. — London ; New-York : Routledge Curzon, 2004. — P. 282—308.
48. Freeze, Gregory L. The Russian Levites: parish clergy in the eighteenth century / L. Gregory Freeze. — Cambridge ; London, 1977. — 325 p.

Evgenia Suslova

Petrozavodsk State University,
 Institute of History, Political and Social Sciences,
 Specialist of the Investigative Laboratory for Local and Micro History of Karelia;
 Senior researcher of the Office of Scientific Research (SBP 653-14);
 Candidate of Sciences (PhD) in History

Church Parish as the center of social and spiritual life of peasant community in early modern Karelia

Abstract: The article deals with the problem of identifying traditional practices, which formed the base for solving key issues in the everyday life of the orthodox parishes of Zaonezhye and Lap pogosts in a wide chronological perspective — from the middle of the 16th to the beginning of the 18th centuries. The study summarizes the outputs, accumulated and presented in a series of articles and monographs, which were revealed through the comparative analysis of scribe and census

books, as well as the regulating acts. The reconstruction of cases that arose in the everyday life of Karelian parishes, and the usage of database creation methods for compiling information from the mass sources, enabled the investigation of the old traditions of the peasant community, that were followed in solving various issues including the filling vacancies of church positions and the determination of clergy's revenue sources. Using the achievements of historiography and the comparative analysis of former common practices and the norms of church and secular law, we found that despite the measures taken by the authorities, old traditions continued to exist during a long period of time in the region with the well-developed practices of communal self-government. Measures aimed at creating a more rigid vertical of power primarily were associated with the realization of the church reform in the middle of the 17th century, as well as with the transformation of the Russian state into the bureaucratic empire. It led to the gradual strengthening of the control over the inner life of the Karelian parish communities.

Key words: peasant community; church parish; village priest; clergy; traditional society; Russian Orthodox Church; Karelia; social history; 16th – 18th centuries